

*Мэнзи и Беше, двум нашим любимым дочерям,
которые выросли на глазах и
использовали кредитные карты у нас за спиной.*

И, конечно же, Сун-И — если бы Брэм Стокер был с тобой знаком, он написал бы сиквел.

СОДЕРЖАНИЕ

Примечания.....	7
Ты не можешь снова попасть домой — и вот почему.....	9
Коровье бешенство.....	21
Парк-авеню, верхний этаж, необходимо продать — или спрыгнуть.....	31
Крылышки Баффало, не хотите ли выйти вечером.....	43
Настоящее воплощение божества, пожалуйста, встаньте.....	53
Нос к носу с Рембрандтом.....	63
Немного пластики лица никогда не помешает.....	75
Легенды Манхэттена.....	87
Разбуди меня, когда все закончится.....	95
Так, где я оставил этот кислородный баллон?.....	105
Конфуций сказал: «Дай мне передохнуть».....	113
Ни одно живое существо не пошевелилось.....	123
Подумай хорошенько, это вернется к тебе.....	133
Извините, никаких домашних животных.....	141
Деньги могут купить счастье — если бы.....	149
Когда фигурка на твоём капоте — Ницше.....	155
Над, вокруг и насквозь, Ваше Высочество.....	163
Ничто не сравнится с мозгом.....	173
Взрослея на Манхэттене.....	183

ПРИМЕЧАНИЯ

Следующие рассказы впервые появились в The New Yorker:

«Коровье бешенство» (18 января 2010 года).

«Настоящее воплощение божества, пожалуйста, встаньте» (10 мая 2010 года).

«Легенды Манхэттена» (30 марта 2009 года).

«Так, где я оставил этот кислородный баллон?» (5 августа 2013 года; версия, напечатанная здесь, была исправлена автором).

«Ни одно живое существо не пошевелилось» (28 мая 2012 года).

«Подумай хорошенько, это вернется к тебе» (10 ноября 2008 года).

«Деньги могут купить счастье — если бы» (24 января 2011 года).

«Над, вокруг и насквозь, Ваше Высочество» (26 мая 2008 года).

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ
СНОВА ПОПАСТЬ
ДОМОЙ – И ВОТ
ПОЧЕМУ

Каждый, кто хоть раз бросал горящую спичку в отсек с боеприпасами, подтвердит: даже самое маленькое движение может наделать много шума.

На самом деле водоворот катастрофических масштабов образовался в моей жизни всего пару недель назад и был вызван такой мелочью, как короткое любовное послание под дверью нашего дома. Роковая бумажка объявила о том, что Голливудская студия, снимающая фильм на Манхэттене, решила, что фасад нашего дома идеален для той пластмассовой бабкиной сказки, которую они делают, и, если интерьер окажется подходящим, они хотели бы использовать его как локацию для съемок. На тот момент я был очень занят несколькими сделками, проходившими на Уолл-стрит, которые должны были в значительной мере повлиять на мое обладание «золотом дураков»¹, поэтому я отнесся к данному сообщению как к листовкам с меню китайской кухни и выбросил эти каракули в мусорное ведро. Вся эта ситуация была слишком тривиальной для того, чтобы добиться хотя бы вспышки нейронов, боровшихся за мою память, до того момента, когда несколькими днями позже мы с моей женой соскребали уголь с ужина, кремированного до неузнаваемости нашим поваром.

— Я забыла упомянуть, — сказала рожденная в Дублине пироманка, оттирая сажу со скатерти. — Сегодня, пока вы были у этого типа, который вас облапошивает, заходили люди из киностудии.

— Кто? — рассеянно спросил я.

¹ «Золото дураков» — метафорическое название пирита, металла, внешне похожего на золото. — *Прим. науч. ред.*

— Они сказали, что отправили вам уведомление. Заходили посмотреть на дом. Им понравилось все, кроме вашей фотографии с Альбертом Эйнштейном, которая выбивается из общего интерьера.

— Ты впустила незнакомых людей в дом? — возмущенно спросил я. — Без моего разрешения? Что, если бы это были воры или серийный убийца?

— Шутите? В таком пастельном кашемире? — парировала она. — Кроме того, я узнала режиссера по шоу Чарли Роуза². Это был Хэл Роучпейст, новейший вундеркинд Голливуда.

— Как по мне, звучит потрясающе, — включилась в разговор моя жена. — Представь, наши хоромы будут увековечены в мегаките, получившем «Оскар». Они сказали, кто в нем снимается?

— Брэд Панч и Амброзия Вилбейс, — пропищала впечатленная кухарка.

— Извините, мои маленькие трюфельки, — категорично сказал я. — Я не позволю, чтобы здесь проходили подобные сборища. Вы обе выжили из ума? Не хватало еще, чтобы кучка мартышек расположилась в нашем бесценном Тебризе³. Это наш храм, наше святилище, наполненное сияющими драгоценностями, отобранными на лучших аукционах Европы: наши вазы из китайского фарфора, мои первые издания, делфтский фаянс, изделия времен Луи Сейза, безделушки и побрякушки, собранные за всю жизнь коллекционирования. Не говоря уже о том, что мне нужна атмосфера полного спокойствия для завершения монографии о раках-отшельниках.

² «Шоу Чарли Роуза» — американское авторское ток-шоу, интервью со знаменитостями. — *Прим. науч. ред.*

³ Тебриз — древний город, столица иранского региона Восточный Азербайджан. — *Прим. науч. ред.*

— Но Брэд Панч, — изнывала женщина. — Он так божественно играл Листа в «Осеннем героине».

В момент, когда я поднимал ладонь для того, чтобы прервать дальнейшие уговоры, зазвонил телефон, и голос, отлично подходящий для впаривания ножей из нержавеющей стали, рывкнул мне в ухо: «А! Рад, что вы дома. Это Мюррей Инчейп. Я линейный продюсер в Row, Mutant, Row. У вас, ребятки, наверняка есть ангел-хранитель, потому что вы сорвали джекпот. Хэл Роучпейст решил, что он хочет использовать ваш дом.

— Я знаю, — прервал я его. — Чтобы снять сцену. Как вы узнали мой личный номер?

— Расслабься, отец, — продолжил аденоидный голос. — Я сегодня слегка пролистал бумаги в твоём ящике, когда мы разведывали обстановку. И, между прочим, это не просто сцена, это та самая сцена. Ключевой момент, после которого меняется весь сюжет.

— Прошу прощения, мистер Инчворм⁴...

— Инчкейп, но не берите в голову. Все неправильно проносят мою фамилию. Я воспринимаю это с улыбкой.

— Я знаю, что съёмочные группы делают с домами, в которые они вторгаются, — твердо сказал я.

— Многие из них варвары, это правда, — согласился Инчейп. — Но с нами... Мы ходим на цыпочках, как монахи-трапписты⁵. Если бы мы не сказали, что снимаем в вашем доме, вы бы даже и не догадались. И я предлагаю вам пустить нас не по доброте душевной. Я понимаю, что это будет стоить мне горстку монет.

⁴ Inchworm — с англ. «гусеничный червь». — *Прим. ред.*

⁵ Трапписты — католический монашеский орден, в котором строго соблюдается обет молчания. — *Прим. науч. ред.*

— Бесплезно, — настаивал я. — Никакие богатства не способны открыть вам двери в обитель этого парня. Спасибо, что подумали о нас, и аривидерчи.

— Повиси минутку, старик, — сказал Инкейп, прикрывая рукой микрофон, пока я слушал сдавленные голоса, которые ругались о чем-то похожем на план похищения Бобби Фрэнка.

Я уже собирался выключить телефон из розетки, когда он снова вернулся к разговору.

— Послушайте, я только что посоветовался с Хэлом Роучпейстом, который как раз рядом со мной, и он подумал, что, возможно, вы захотите быть в фильме. Не могу обещать вам главную роль, но точно что-то веселое и содержательное — оставите свой след на экране для потомков. Возможно, есть кое-что и для миссис тоже, но после небольшой чистки лица, если это она на фото на вашем пианино.

— Сыграть в кино? — сглотнул я и испытал разряд в сердце, который обычно используют медики для воскрешения мертвецов. — Моя жена до ужаса стеснительная, но я, по правде говоря, немного играл в колледже и местном театре. Я исполнял на коньках роль Парсона Мэндерса в «Ибсене на льду», и все до сих пор обсуждают мою игру в «Унижении паче гордости»⁶. Меня выбрали на роль Тони Лампкина с нервными тиками, от которых люди в Юме сходили с ума от смеха. Конечно, я понимаю, что есть разница между игрой на сцене и игрой в фильме, необходимо регулировать ширину формата с помощью линз, так сказать.

— Конечно, конечно, — сказал линейный продюсер. — Роучпейст в вас верит.

⁶ «Унижение паче гордости», или «Ночь ошибок», — комедийная пьеса английского писателя О. Голдсмита, вышедшая в XVIII веке. — *Прим. науч. ред.*

— Но он никогда не видел меня, — возразил я, чувствуя легкие нотки торговли.

— Роучпейст работает, повинуюсь инстинктам. Именно поэтому его называют Джоном Кассаветисом⁷ нашего поколения. Ему понравилось то, что он увидел, когда осматривал ваш шкаф с одеждой. Тот, у кого такой талант к выбору нарядов, идеально подходит на роль Шеперда Грималкина.

— Кто? Грималкин? — я зажегся. — Что за персонаж Грималкин? Не могли бы вы дать мне краткое описание сюжета. Общей фабулы будет достаточно.

— Для этого вам нужно поговорить с режиссером. Могу лишь сказать, что это смесь «Челюстей» и «Персоны»⁸. Подождите минутку. Хэл Роучпейст сейчас объяснит. — Мне слышалось, что Роучпейст не желает обсуждать данный вопрос, и я вроде бы уловил, как Инчейп использует фразу «агнец на заклание». Затем заговорил новый голос.

— Хэл Роучпейст, — протрубил он. — Полагаю, Мюррей объяснил, что мы хотели бы снять вас в самой важной сцене фильма.

— Вы можете рассказать мне что-нибудь о Грималкине? Его предысторию, мотивы, для того чтобы я начал выстраивать его как героя. Само имя предполагает глубину души.

— Этого у него предостаточно, — согласился Роучпейст. — Грималкин пронизательный; философ, но с чувством юмора, за словом в карман не полезет, но при этом отлично орудует кулаками. Бесспорно, магнит для жен-

⁷ Джон Кассаветис — культовый американский режиссер и актер, значимая фигура для формирования независимого кино. — *Прим. науч. ред.*

⁸ «Персона» (1966) — драма И. Бергмана об онемевшей актрисе. — *Прим. науч. ред.*

щин, Красавчик Браммел⁹, который, благодаря своей медицинской этике и навыкам управления самолетом, снискал уважения у величайшего преступника, Профессора Дилдариана. А еще...

В этот момент телефон, по всей видимости, был вырван из рук Роучпейста, и оживленный Мюррей Инчейп снова заговорил.

— Что скажете, можем ли мы вписать вашу квартиру как место проживания главного героя?

— Главного героя? — сказал я с восторгом, не веря тому, насколько ошеломляюще развивались события. — Когда я могу получить свои реплики, чтобы начать их разучивать?

На другом конце провода повисла тишина, почти могильная, а затем:

— Роучпейст не работает по сценарию, — объяснил Инчейп. — Его фишка — спонтанность. Этот парниша, словно Феллини, черпает вдохновение в моменте.

— Импровизация для меня не в новинку, — пропищал я. — Когда я играл Полония в летней постановке, еноты утащили мой пластилиновый нос. Зачем им делать такое...

— Вот как вы запели, — перебил Инчейп, и я услышал, как на заднем фоне кто-то третий сказал: «Мюррей, твоя курица тандури здесь, сколько мне оставить курьеру на чай?»

— Увидимся во вторник, пройдоха. Они привезли папа-дамы? — это было последним, что я услышал от продюсера, затем щелчок и гудки.

⁹ Красавчик Браммел — легендарный английский денди, коренным образом изменивший европейскую мужскую моду. — *Прим. науч. ред.*

Будучи несостоявшимся актером в душе, я на неделю погрузился в просмотр фильмов Марлона Брандо и чтение книг Станиславского. Я печально размышлял о том, насколько другой могла бы быть моя жизнь, если бы много лет назад я не поступил в спешке в школу бальзамирования, а последовал зову сердца и пошел в Актерскую студию.

Не осознавая, как рано начинают работать съемочные группы, в предрассветный час в назначенный день я был вырван из объятий шести таблеток «Эмбиента»¹⁰ таким стуком в дверь, будто они обнаружили тайное убежище Анны Франк. В панике, думая, что произошло землетрясение или биологическая атака, я выпрыгнул из кровати, поскользнулся, полетел вниз по лестнице и обнаружил, что улица была захвачена трейлерами и дорожными конусами.

«Пошли, дедуля, время идет», — сообщил мне безумного вида помощник режиссера, и в один миг дом оказался под господством мастеров, электриков, плотников и разнорабочих, которые расчехлили свой арсенал инструментов для разрушения. Шесть грузовиков с кинооборудованием были стремительно разгружены бригадой угрюмых амбалов, которые с профессиональной точностью уничтожали, разбирали и уродовали любые предметы интерьера, стоящие больше трех долларов. По указу оператора, бородатого выходца из Восточной Европы по имени Финдиш Мензис, в стены из красного дерева были забиты гвозди и повешены осветительные приборы, которые затем были резко вырваны и привинчены к оригинальной потолочной лепнине комнаты. Постепенно выходя из ступора, я высказал свое возмущение Мюррею Инчейпу, который вошел, поедая булочку с творожным сыром, пока ямайский капучино капал с его стакана из «Старбакса» прямо в центр нашего обюссонского ковра.

¹⁰ Эмбиент — седативный препарат для лечения бессонницы. — *Прим. науч. ред.*

— Вы сказали, ничто не будет повреждено, — прохрипел я, когда от ударов молотка рухнул кусок штукатурки, превращая лампу от «Тиффани» в грудку разноцветных осколков.

— Поздоровайтесь с Хэлом Роучпейстом, режиссером, — сказал Инчейп, игнорируя мою жалобу, пока несколько кроманьонцев с осветительными стойками пробивали дыру в шелковых обоях начала века, сравнимую по размерам с той, что затопила Титаник.

— Я взял на себя смелость сочинить небольшую предысторию, — замурлыкал я. — Его прошлое, чтобы раскрыть Грималкина. Я начну с его детства в качестве сына странствующего продавца пасхальных булочек. Затем...

— Да, да. Аккуратно, тележка оператора, — сказал Роучпейст, когда ручка тележки опрокинула вазу.

— Ну и ну, — буркнул он извиняющимся тоном. — Скажите, эта вещица, только что испорченная до неузнаваемости, была времен империи Тан или Сун?

К десяти утра, благодаря задорным приступам креативности Роучпейста и его явно невменяемого сценического дизайнера, превращение дома из таунхауса Верхнего Ист-Сайда в мавританский бордель было завершено. Наша собственная мебель была беспорядочно разбросана снаружи на тротуаре, несмотря на то что начался довольно сильный дождь. В моей гостиной актеры массовки, загримированные, словно гурии, соблазнительно развалились на подушках. Амброзия Вилбейс, насколько я понял, играла похищенную аристократку, вынужденную исполнять прихоти порочного султана, который оказался ее замаскированным диетологом и за которого она выходила замуж на борту космического шаттла. Почему наша жилплощадь была настолько важна для этого

воплощенного кошмара, было откровением, доступным только такому гению, как Роучпейст. Для моей жены эта масштабная бойня была лишь малой ценой, необходимой для встречи с Брэдом Панчем, который шептал ей что-то на ухо, а она отвечала:

— Нет, они настоящие.

К трем часам дня моя сцена так и не началась, и, если не считать небольшой пожар в нашей библиотеке, созданный специалистами по спецэффектам, в котором огонь поглотил моего подписанного Грильпарцера¹¹ и картину Редона¹², все, казалось, были в восторге от накопившегося отснятого материала. Когда я услышал, что компания планирует закончить съемки к шести, чтобы избежать оплаты любых возможных сверхурочных, я начал беспокоиться по поводу своей роли. Я выразил эти опасения помощнику режиссера, но он заверил, что моя роль слишком важна, чтобы ускользнуть из поля зрения; и действительно, без нескольких минут шесть меня вызвали из подвала, в который я был сослан Амброзией Вилбейс, когда та решила показать свой непростой характер и настаивала на том, что мой парик ее отвлекает.

— Поскольку мы собираемся снимать, чтобы должным образом обозначить Грималкина, — сказал я помощнице режиссера, — есть несколько моментов, которые я хочу уточнить. После чего любая моя импровизация будет несравненной.

Я уже собирался перейти к конкретным деталям, когда несколько грубых холуев подняли меня за воротник рубашки и заднюю часть штанов, развернули параллельно земле и положили, визжащего, на пол лицом, в то

¹¹ Грильпарцер, Франц — австрийский поэт и драматург XVIII века. — *Прим. науч. ред.*

¹² Редон, Одилон — французский живописец XVIII–XIX вв., один из основателей символизма. — *Прим. науч. ред.*